246
II 105

ИЗЪ КНИГЪ
К. М. СОЛОВЬЕВА
№ 3338.

ЭБ

95

И 246/105

ЗАПИСКА

ГРИГОРІЯ НИКИТИЧА

КОЛЬЧУГИНА

о

1812 ГОДѢ.

МОСКВА. 1879.

Типографія Лебедева, Газетный пер., д. Корзинкина.

95

ЗАПИСКА

И 246/105

ГРИГОРІЯ НИКИТИЧА

КОЛЬЧУГИНА

о

1812 ГОДѢ.

МОСКВА, 1879.

Типографія Лебедева, Газетный пер., д. Корзинкина.

2007231617

Дозволено цензурою. Москва, 21 Октября 1879 г.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

Ф 82 96 -42

Записка Г. Н. Кольчугина.

Григорій Никитичъ Кольчугинъ (1779—1835) былъ сынъ Черниговскаго крестьянина Никиты Григорьевича (1753–1827), который съ раннихъ лѣтъ занимался въ Москвѣ торговыми дѣлами, и между прочимъ велъ книжную торговлю въ компаніи съ извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ, за что и потерпѣлъ въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія. Умный, дѣловитый простолюдинъ съумѣлъ дать своему сыну отличное по тому времени образованіе. Григорій Никитичъ воспитывался вмѣстѣ съ дѣтьми сенатора Обрѣзкова и выучился нѣсколькимъ языкамъ, такъ что впослѣдствіи онъ могъ, помогая отцу въ дѣлахъ, въ тоже время свободное время посвящать на переводы книгъ преимущественно мистическаго содержанія. Изъ сдѣланныхъ имъ переводовъ была отдѣльно напечатана въ 1801 году: «Авелева смерть», поэма Геснера. Она посвящена переводчикомъ князю Лопухину. Гнѣвъ графа Растопчина постигъ его наравнѣ съ другими тогдашними Московскими мистиками; только тѣ подверглись оному до занятія Москвы Французами, а Кольчугинъ по возвращеніи графа Ростопчина въ столицу.

Г. Н. Кольчугинъ до и послѣ 1812 г. занималъ должность гофъ-маклера въ Коммерческомъ Банкѣ. Къ нему обращались за совѣтами по крупнымъ юридическимъ дѣламъ. Умеръ онъ 24 Марта 1835 года, оставивъ послѣ себя одиннадцать человѣкъ дѣтей и нѣсколько разстроенное состояніе вслѣдствіе потерь въ дѣлахъ съ извѣстнымъ поставщикомъ военнаго министерства В. В. Варгинымъ. Одинъ изъ его сыновей, Иванъ Григорьевичъ, памятенъ Москвѣ своею книжною многолѣтнею торговлею, обширными библіографическими познаніями, находчивостью рѣчи и живымъ остроуміемъ. Его сыну, Московскому книгопродавцу Ивану Ивановичу Кольчугину, Русскій Архивъ симъ свидѣтельствуетъ свою благодарность за доставленіе нижеслѣдующей записки. П. Б.

Записка о 1812 годѣ Московскаго гофмаклера Г. Н. Кольчугина.

Милостивый государь, почтенный другъ!

Вы требуете увѣдомленія моего, какія причины могли удержать меня въ Москвѣ предъ нашествіемъ непріятеля и не выѣхать, когда тѣмъ многіе воспользовались и по возможности вывезли имѣнія свои; а я, потерявъ все, навлекъ на себя въ послѣдствіи столь

важныя для честнаго человѣка, каковымъ почитаете меня, непріятности.

Благодарю васъ, милостивый государь, препокорнѣйше за доброе ваше обо мнѣ мнѣніе, что вы, не основавшись на молвѣ народной, вѣтромъ наносимой и развѣваемой, желаете знать истину происшествій отъ самого меня и рѣшиться во мнѣніи своемъ.

Соотвѣтствуя откровенности и довѣренности вашей, честь имѣю вамъ донести, что правила родителя моего, воспитаніе, выше состоянія его имъ мнѣ данное, какъ и заслуженная нами въ обществѣ и у начальства довѣренность и полученные знаки отличія вамъ извѣстны. Изъ сего самаго, какъ я полагаю, имѣли мы и завистниковъ, которые, превратясь во враговъ, воспользовались несчастнымъ положеніемъ, обнесли меня у начальника *), коего сердце отверсто къ подозрѣніямъ: съ трудомъ вѣритъ онъ доброму, а съ жадностью хватается даже за видъ преступленія.

Подлые враги мои, тѣмъ ободренные, дерзнули обвинять меня даже въ хище-

*) Т. е. у графа Ростопчина. П. Б.

ніи: но какъ сего не было, клевета обнаружилась, и благодареніе Богу, Государю и законамъ, я совершенно оправданъ, невинность моя открыта, хотя оная и не всѣмъ извѣстна. Прочее предоставимъ времени.

Причины, воспрепятствовавшія выѣзду нашему изъ Москвы, суть слѣдующія. Первая, увѣренія начальства чрезъ издаваемыя печатныя афиши, что непріятелю въ Москвѣ не бывать, силы его отъ разныхъ пораженій ослабѣли, наши превосходятъ, подтверждая сіе увѣреніе и самыми сѣдинами покойнаго князя Кутузова-Смоленскаго. Вторая, пачпорты на выѣздъ изъ Москвы, кромѣ женамъ и дѣтямъ, давать было запрещено. Третія, родитель мой въ то время былъ боленъ, котораго въ такомъ положеніи оставить сыновняя любовь и обязанность не позволяли. Четвертая, у родителя моего имѣлось въ комиссіи казеннаго товару, принадлежащаго Александровскимъ заводамъ, въ наличности болѣе нежели на пятьдесятъ тысячъ рублей, въ коемъ вѣсу составляло до двухъ тысячъ пудовъ; а у меня, по должности гофмаклера, ввѣренныхъ отъ разныхъ особъ документовъ на знатныя

суммы, конторскія многихъ годовъ книги и собственное наше имѣніе все находилось въ Москвѣ, что̀ требовало заблаговременнаго приготовленія, уборки и отправленія и куда—опредѣлительно знать было не можно. Но какъ, выше означено, увѣренія начальства въ свое время отъ того удержали; а въ послѣдствіи и возможности выѣхать уже не было. По тогдашнимъ цѣнамъ провоза требовалось какъ для казеннаго товара, такъ собственнаго нашего имѣнія, дѣлъ и (какъ вамъ извѣстно) немалаго семейства, отъ 15 до 20 тысячъ рублей. Безъ сомнѣнія повѣрите, что таковой суммы въ наличности у насъ не было. А потому и принуждены мы были оставаться въ Москвѣ, питая себя надеждою, что непріятель, войсками нашими, которыя отовсюду стекались, до Москвы допущенъ не будетъ, или таковаго варварства, каково̀ отъ него произведено, не послѣдуетъ.

Но, сверхъ ожиданія нашего, вышло тому противное. Начальство Московское и полиція, съ 1-го на 2-е число Сентября въ ночи все выбыло изъ города, оставя насъ на произволъ судьбы. Непріятель 2-го числа послѣ полудня вступилъ, а со вступленіемъ его начались

и бѣдствія наши. Вечеромъ въ Китаѣ-городѣ начался пожаръ, а въ послѣдовавшіе за тѣмъ дни пожары и грабежи вообще.

Начально остановились у насъ квартирою трое унтеръ-офицеровъ съ однимъ рядовымъ, конныхъ. Мы принуждены были просить ихъ, для спасенія жизни нашей, квартировать у насъ и быть нашими защитниками; но они отозвались, что имъ назначенъ походъ. Приготовленъ имъ столъ, водка, вино и пиво, которыми они были довольны, въ соотвѣтственность чего, пріѣхавшимъ другой партіи сказано ими, что квартира въ домѣ нашемъ занята для ихъ генерала; но пріѣхавшіе требовали хлѣба, который получа и уѣхали; а наши постояльцы, переночевавши, отправились. Послѣ ихъ остановился у насъ одинъ капитанъ и при немъ двое рядовыхъ. На просьбу нашу о защитѣ обнадежилъ онъ, что при немъ никто обезпокоить насъ не осмѣлится, и приходящихъ при немъ грабителей выгонялъ, а сверхъ сего, по просьбѣ нашей, также и у сосѣда нашего, купца Андронова, на то время отъ кладовой грабителей отогналъ; но по случаю усилившагося возлѣ дома нашего по-

жара (отъ котораго и нашъ не только въ крайней былъ опасности, даже и загорался, но нами былъ потушенъ) онъ отъ насъ выѣхалъ. Потомъ поставлены къ намъ однимъ полковникомъ гвардейскіе рядовые. Убѣдительныя просьбы наши къ сему чиновнику, постояльцамъ хорошій столъ и подарки склонили ихъ также въ пользу нашу беречь насъ и даже наше имущество. Сіе сосѣдамъ нашимъ, въ томъ числѣ и князя Трубецкаго людямъ, оставленнымъ въ домѣ его, было извѣстно. *) Посему въ одно время, пришедъ къ намъ, дворникъ его объявилъ, что кладовую у нихъ отбиваютъ, и просилъ, не можно ли постояльцамъ нашимъ защитить оную? Постояльцы были на веселѣ, по просьбѣ нашей отъ кладовой ихъ грабителей отогнали, сказавъ при томъ, что они насъ и домъ нашъ по приказу полковника и за ласку нашу хранить будутъ, но другихъ не могутъ; а потому та кладовая съ людскимъ имуществомъ въ послѣдствіи разграблена.

*) Домъ Кольчугина былъ на Покровкѣ, въ приходѣ церкви Рождества въ Барашахъ, близъ дома князя Трубецкаго или нынѣшней четвертой мужской гимназіи. П. Б.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

А между тѣмъ пожары, ежедневно усиливаясь, наводили дому нашему и сосѣднимъ всегдашнюю опасность, изъ коихъ смежный съ нами купца Андронова былъ въ неминуемой опасности; но нами съ домашними и нанятыми за 25 рублей людьми избавленъ. Купецъ Андроновъ отданныя нами показанныя деньги, возвратяся въ домъ свой, при благодарности своей, принести намъ, отдалъ. Послѣ того пожары безпрерывно продолжались, изъ коихъ одинъ распространился отъ Ивановскаго монастыря къ домамъ, близъ нашего находящимся, какъ-то: Иностранной Коллегіи, Межевой Конторы и къ близъ лежащимъ Покровскимъ воротамъ, отъ котораго настояла неминуемая опасность отъ деревянныхъ двухъ корпусовъ домамъ Ямнинской, купцовъ Аверичевыхъ, Андронова и Нарышкина; а отъ нихъ всѣмъ домамъ и лавкамъ, прилегающимъ къ Покровскимъ воротамъ. Мы съ имѣющимися у насъ людьми, упросяи постороннихъ, оные два корпуса отстояли, а чрезъ то спасли не менѣе 30-ти значущихъ домовъ и нѣсколько лавокъ. Послѣ того загорѣлся главный корпусъ Покровскихъ казармъ и прилегающая часть дома г-на Нарыш-

кина, а съ нею сосѣда нашего Андронова и наши службы, какъ-то: погреба съ амбарами, каретнымъ сараемъ и конюшнями. Мы, сочтя, что нѣтъ уже и всему дому нашему спасенія, оставя оный со всѣмъ имѣніемъ на произволъ Божій, съ семействомъ и прочими погорѣльцами и ограбленными (принятыми нами изъ состраданія въ домъ нашъ, изъ онаго перешли въ погорѣвшій уже родственника нашего купца Грачева подвалъ, гдѣ были не только одежды, обуви, а нѣкоторые и рубахъ лишены. Но за всѣмъ тѣмъ, благодареніе Богу, въ домѣ нашемъ однѣ только службы со всѣми въ нихъ запасами, экипажами и прочимъ выгорѣли, а жилья остались цѣлы, потому что были за вѣтромъ и отъ службъ отдѣлены брантмауерами.

На другой день поутру мы послали изъ людей своихъ навѣдаться о домѣ; но посланные Французами задержаны и употреблены были носить изъ собственныхъ кладовыхъ нашихъ расхищаемое имѣніе, куда непріятели имъ приказывали. На другой день вечеромъ, уйдя, пришли они и сказали намъ, что жилые покои остались цѣлы, но изъ нихъ и изъ кладовыхъ имѣніе наше грабятъ, которое и они въ разныя квартиры ихъ

носили. Мы, узнавъ, въ оный перешли обратно; но нашли, что движимое имѣніе наше изъ онаго и кладовыхъ разграблено и грабится. Первое стараніе наше было спасти казенные товары, вѣренные документы и конторскія книги, кои были только еще перебиты и развалены. Съ опасностію жизни оные спасли; если же и пограблено изъ казенныхъ товаровъ до перехода нашего, то небольшое число. Попеченіе наше состояло, чтобъ, для охраненія жизни, казеннаго товара и мелкихъ остатковъ отъ расхищеннаго имущества гвардіи полковника, который прежде пожара поставилъ къ намъ постой, просить о таковомъ же; но какъ полкъ его назначенъ былъ въ походъ, то намъ въ томъ и отказано. Но къ нему въ то время привезенъ былъ раненый капитанъ со знакомъ отличія, котораго онъ къ намъ и назначилъ постоемъ. Мы оговаривались, что г-ну капитану не можемъ служить приличнымъ столомъ, потому что всѣ запасы и провизія у насъ сгорѣли; но капитанъ, вслушиваясь, сказалъ, что ему, по болѣзни, нуженъ покой и одинъ супъ. Съ двумя лошадьми и двоими рядовыми онъ къ намъ переѣхалъ и стоялъ дней десять или двѣ недѣли,

а чрезъ посредство его мы отъ дальнѣйшаго грабежа и были избавлены.

А между тѣмъ Французскимъ начальствомъ, чрезъ печатные листы, объявлено, что грабежъ прекращается, и если кто изъ Французовъ или Русскихъ въ томъ изобличенъ будетъ, таковому положена смертная казнь. Въ сихъ объявленіяхъ напечатано было и о учрежденіи временнаго городскаго правленія или муниципалитета и полиціи. На первый возложено попеченіе возстановить въ церквахъ богослуженіе, и чтобъ оное было уважаемо, продовольствіе оставшимся въ городѣ жителямъ съѣстными припасами и прочее; а на послѣднюю — возстановленіе спокойствія, тишины и очищеніе города отъ мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ и скотскихъ, лежащихъ по улицамъ. Въ первомъ назначенъ интендантомъ Французъ Лессепсъ, а въ послѣдней комендантомъ таковой же, но имя его намъ неизвѣстно. Приказано ими, чтобъ Русскіе избрали изъ себя въ муниципалитетъ голову съ четырьмя помощниками и двадцать человѣкъ въ товарищи или члены, а въ полицію комисаровъ. Выборъ сей происходилъ мимо насъ, слѣдовательно мы и были покойны. Но въ

одинъ день пришелъ въ домъ нашъ Французскій офицеръ съ двумя рядовыми, по запискѣ у него имѣвшейся, спросилъ меня и приказалъ идти съ собою къ интенданту Лессепсу.

Я, родитель мой и семейство наше приведены были симъ взятіемъ въ чрезвычайный ужасъ, полагая, что кромѣ смерти моей ожидать не можно. Родитель мой послалъ со мною человѣка, если можно, принести извѣстіе о послѣдствіи. Представили меня Лессепсу, который объявилъ мнѣ, что я избранъ въ муниципалитетъ и занялъ бы свое мѣсто. Я, выслушавши приказаніе, просилъ его объ увольненіи, представя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и осмерыхъ дѣтей малолѣтныхъ и что домъ нашъ частію выгорѣлъ и весь разграбленъ. Лессепсъ сказалъ мнѣ, что онъ отмѣнить меня не можетъ, потому что выбранъ я не имъ, а «вашими Русскими и собственно для васъ Русскихъ». Я сталъ усиливаться просьбою; онъ, долго слушавъ и осердясь, сказалъ: «Чтожъ вы много разговорились? Развѣ хочете, чтобъ я объ васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору, который въ примѣръ другимъ прикажетъ васъ разстрѣлять?» Послѣ сего я

не нашелся и не осмѣлился сказать уже ни слова. Лессепсъ, походя по комнатѣ, приказалъ мнѣ идти за собою, ввелъ въ одну отдѣленную изъ комнатъ, гдѣ уже голова съ прочими муниципальными засѣдали, приказалъ имъ, чтобъ показали мнѣ мѣсто, а мнѣ оное занять, что̀ я и принужденъ былъ исполнить. Перевязали мнѣ на лѣвой рукѣ алую ленточку въ знакъ, что я муниципалъ, о каковыхъ знакахъ припечатано было и въ объявленіяхъ. Я, вышедъ, посланнаго со мною отправилъ успокоить родителей моихъ и жену и сказать, что скоро буду. Тутъ сказано мнѣ особенно головою, въ извиненіе выбора моего, что я, по знанію моему Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, могу быть вѣрнымъ переводчикомъ; а на иностранцевъ, хотя оные и въ подданствѣ, не во всемъ полагались. Онъ приказалъ мнѣ замѣчать изъ разговоровъ ихъ о дѣлахъ и движеніяхъ непріятельскихъ.

Въ муниципалитетѣ тогда было первое присутствіе, въ которомъ имѣли сужденіе: кому какую часть назначить и ею заниматься. Мнѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ назначено возстановить въ церквахъ богослуженіе, и чтобъ оное

было уважаемо, и имѣть надзоръ за больными. Сей только одинъ журналъ мною и подписанъ. Окончивши присутствіе, взявши себѣ одинъ экземпляръ печатнаго о муниципалитетѣ и полиціи постановленія, пришедъ въ домъ, разсмотря оные, посовѣтовавшись съ родителемъ: положили избѣгать присутствія, чтобъ никакихъ журналовъ не подписывать, а чтобъ являться передъ присутствіемъ или послѣ онаго и давать о себѣ знать, что пошелъ въ такой-то приходъ или въ такую-то часть къ больнымъ или былъ тамъ-то, чего однакожъ въ самомъ дѣлѣ выполнить было не можно, потому что церкви были разграблены и осквернены, а больныхъ совокупно нигдѣ не было, что̀ и оставалось безъ исполненія; но предлогъ продолжался по нашему расположенію.

За недѣлю же, или около того, до выхода Французовъ, по требованію Лессепса, муниципалитетъ назначилъ меня въ командировку переводчикомъ при конвоѣ, который Французы намѣрены были отправить для закупки хлѣба или фуражировки по селеніямъ, около Москвы находящимся. Одинъ, хорошо мнѣ знакомый изъ муниципаловъ, зашедъ

къ намъ въ домъ, о семъ назначеніи предувѣдомилъ. Первый ужасъ представился намъ: если сей конвой повстрѣчается съ Русскимъ, то должно произойти сраженіе; а пули и картечи не разбираютъ, что Русскій по волѣ или по неволѣ взятъ. Второй ужасъ: участвовать въ продовольствіи непріятеля было бы противъ присяги Государю, Отечеству и совѣсти. Уйти, если бы и нашелся случай: представлялось оставленное семейство, которому мстить могутъ.

А потому я въ необходимости нашелся обвязать себѣ голову платкомъ, намочивъ оный уксусомъ, лечь въ постель и не жалѣть теплой воды, дабы, сдѣлавъ испарину, показаться больнымъ. Лицо мое по безкровію вамъ извѣстно; оно послужило удостовѣреніемъ. Мы ожидали ежеминутно присылки, которою и не умедлили. Присланный нашелъ меня въ таковомъ состояніи; просьба родителей, жены и представленныхъ восьми человѣкъ малолѣтныхъ дѣтей, убѣдили офицера отрапортовать, что я боленъ и ѣхать не могу. Дня черезъ три мы узнали, что посылка сего конвоя отмѣнена; непріятели, какъ

видно, узнавъ о пораженіи ихъ корпусовъ, пришли въ примѣтное движеніе. Городское правленіе уже не собиралось, и каждый изъ Русскихъ трепеталъ о своей участи, о могущихъ произойти при выходѣ непстовствахъ.

Октября 6-го непріятель, собравъ войска свои въ Кремлѣ, шумный имъ дѣлалъ смотръ, послѣ котораго войска пошли въ занимаемыя ими квартиры. Переночевавъ, 7-го числа поутру они вышли тихо, оставя однакоже по словамъ ихъ 6000 человѣкъ, которые и вошли въ Кремль, а пикеты расположились только въ одномъ Китаѣ-городѣ. 7-е и 8-е число протекли покойно, кромѣ продолжавшихся въ разныхъ мѣстахъ пушечныхъ, а на пикетахъ ружейныхъ, сигнальныхъ выстрѣловъ. 9-го вошла въ Москву небольшая партія казаковъ до Красныхъ воротъ и далѣе, и бродящихъ по разнымъ мѣстамъ Французовъ нѣсколько захватили и переололи и, какъ видно, казаки дошли близко къ Китаю-городу: то и послѣдовало изъ Кремля отъ 10-ти до 15-ти пушечныхъ выстрѣловъ ядрами, отъ коихъ вѣроятно казаки выѣхали обратно, а непріятели сдѣлались робчѣе. Во

всю ночь слышны были изъ четырехъ мѣстъ поминутно пушечные сигнальные выстрѣлы. 10-го числа оные также были, но рѣже, такъ какъ чрезъ часъ. А пикеты, усиля, разставили по Бѣлый городъ у каждыхъ воротъ, то есть по Пречистенскіе, Арбатскіе, Тверскіе, Покровскіе и у прочихъ, съ приказаніемъ подозрительныхъ людей стрѣлять, потому что и жители съ казаками участвовали. Но вечеромъ всѣ пикеты сняли и воротились въ Кремль. Примѣтно было движеніе: награбленное имѣніе укладывали въ фуры и на воза. Въ 10 часовъ выбрались и изъ Кремля, а оставленные ими зажгли дворецъ и, подорвавъ придѣльную часть къ Ивановской башнѣ, арсеналъ, нѣкоторыя башни и въ разныхъ мѣстахъ Кремлевскую стѣну, изъ Москвы выступили.

По выходѣ непріятелей, стали вступать Россійскія войска, казаки, гусары и Московскій эскадронъ. Начальникъ онаго г нъ Гельманъ, по данному ему предписанію, принялъ на себя должность временнаго оберъ или просто полицеймейстера; а между тѣмъ казаки, объѣзжая вездѣ по городу, спрашивали у обывателей: не осталось ли въ кото-

ромъ домѣ Французовъ и, буде гдѣ находили, брали плѣнными. Господиномъ Гельманомъ поставленъ на всѣхъ заставахъ караулъ, чтобъ изъ города никаковаго имѣнія и товаровъ не выпускать; потому что изъ ближнихъ къ Москвѣ селеній крестьяне, со вступленія Французовъ въ Кремль, оставшееся въ домахъ, лавкахъ и гостиныхъ дворахъ, гдѣ бы что ни было, все увозили. Потомъ г-нъ Гельманъ, собравъ всѣхъ, составлявшихъ муниципалитетъ и полицію, взявъ отъ каждаго допросъ или показаніе, обязавъ подписками о невыѣздѣ изъ Москвы, сдѣлалъ свободными.

Въ послѣдствіи пріѣхалъ господинъ оберъ полицеймейстеръ Ивашкинъ. Вступя въ должность, онъ приказалъ собрать всѣхъ показанныхъ бывшихъ временными чиновниками и оставилъ подъ стражею. Потомъ прибылъ главнокомандующій и донесъ о семъ Государю Императору, на каковое донесеніе его и послѣдовало высочайшее повелѣніе, которымъ утверждена слѣдственная комиссія. Назначены въ оную главнокомандующій и сенаторы: Модерахъ и Болотниковъ. По пріѣздѣ сихъ послѣднихъ открыто присутствіе, въ которое

приводимы подсудимые, допрашиваны, разсматривано существо дѣла, кто какія исправлялъ должности или препорученія, а между тѣмъ кто какого напредъ сего поведенія былъ. Собраны повальные обыски, а о купцахъ сверхъ оныхъ истребовано отъ дому градскаго общества свѣдѣніе, на которое, по предписанію градскаго головы, собрано было Московское купеческое сословіе. Оно приговоромъ своимъ, въ честной и похвальной жизни и поведеніи, и меня одобрило. Комиссія, сдѣлавъ свое заключеніе, при закрытіи своемъ, многихъ приказала освободить съ роспискою, въ томъ числѣ и меня, а нѣкоторыхъ оставила подъ арестомъ. Сенаторы по таковой же комиссіи отправились въ Смоленскъ.

За симъ неокончившимся несчастіемъ послѣдовало новое, черное для чести моей и дому, убійственное, о которомъ по порядку начать долженъ.

Вамъ извѣстно, милостивый государь, что домъ нашъ состоитъ въ смежности съ домомъ князя Трубецкаго, который съ прочими сосѣдними выгорѣлъ. Люди, княземъ при домѣ оставленные, заваливъ ворота или подъѣзды съ Покров-

ки, жили въ прилегающихъ къ самому дому нашему подвалахъ; а чрезъ сосѣдніе погорѣлые и черезъ садъ нашъ проложили входъ и выходъ изъ онаго, чего по тогдашнему времени и воспретить было не можно. Соединясь съ Французами, они производили грабежи. По выходѣ нашемъ изъ дому грабили въ ономъ и изъ кладовыхъ нашихъ что̀ было можно, выносили изъ города въ Подмосковную князя *), о чемъ, когда мы возвратились въ домъ, намъ сказано. По прекращеніи грабежа, когда по несчастію былъ я избранъ въ муниципалитетъ, пришедъ къ нимъ въ подвалы, я пересмотрѣлъ у нихъ находящееся и нашелъ собственное платье и дѣтей моихъ, не менѣе какъ на 600 рублей, чего, какъ видно, изъ Москвы вынесть не успѣли. Поговоря съ ними рѣзкимъ образомъ, я оное отъ нихъ отобралъ. Послѣ люди сіи неизвѣстно откуда привезли двѣ бочки вина, завели продажу и пьянство. Число ихъ, съ приходящими изъ деревни, въ домѣ про-

*) Село Знаменское или Бицы за Царицынымъ, нынѣ принадлежащее М. Н. Каткову.

П. Б.

живало болѣе пятидесяти человѣкъ. Сдѣлалось къ нимъ таковаго же сорту многолюдное стеченіе. Мы, опасаясь таковой буйной и шумной шайки, начально говорили имъ дружескимъ образомъ, что они то дѣлаютъ неприлично времени и чтобъ продажу вина и пьянство прекратили; но они сего не сдѣлали. Послѣ замѣчены и наши люди участвующими въ пьянствѣ, что̀ вывело уже насъ изъ терпѣнія и заставило сдѣлать съ ними сильную размолвку, съ тѣмъ что, если не прекратятъ торгу сего, то будемъ просить бывшаго тогда Французскаго коменданта, объявивъ о дурномъ ихъ поведеніи и грабежахъ. Это на нихъ и подѣйствовало. Но изъ сего и изъ вышеописаннаго произошла къ намъ злоба, а къ мщенію и открылся имъ случай. Передъ выходомъ непріятеля пришли въ домъ нашъ два Французскіе чиновника, не такъ какъ грабители, не вооруженно, а только съ тростями и въ сертукахъ, да и грабежа тогда уже не было. На вопросъ нашъ, что̀ имъ угодно? они объявили, что приказано имъ осмотрѣть домъ нашъ. Мы думали, что они намѣрены занять оный постоемъ, что̀ имъ и предоставлено.

Обошедъ всѣ комнаты, спросили: чей домъ? Нами отвѣтствовано: купецкой. Послѣ спросили: который же домъ князя Трубецкаго? Мы сказали, что оный возлѣ насъ. Они приказали мнѣ, чтобъ я шелъ съ ними для перевода требованій ихъ, объявя мнѣ, что у принца Невшательскаго покрадены вещи, о которыхъ сказано, что оныя унесены въ домъ князя Трубецкаго. Я просилъ, чтобы они уволили меня и осмотрѣли одни; но они приказывали повелительно и грозили, почему и принужденъ я былъ идти съ ними и быть при нихъ въ родѣ переводчика. Вошедъ на дворъ князя, они приказали сыскать дворника, которому приказано сказать о причинѣ прихода ихъ и осмотра. Дворникъ отвѣчалъ, что у нихъ покраденныхъ вещей никакихъ нѣтъ, да и самое имѣніе ихъ сгорѣло и разграблено; а чтобъ въ томъ удостовѣрить, повелъ ихъ въ кладовыя, которыя обгорѣли и разграблены. Чиновники, изъявивъ неудовольствіе, приказали дворнику сказать, что они присланы не пустыя кладовыя осматривать, а искать покраденныхъ у принца вещей и увѣрить, что они кромѣ покраденныхъ вещей ничего изъ имѣнія, какое бы у

нихъ ни было, не возмутъ, что̀ все мною и было переведено и сказано, чтобъ они ничего не опасались и показали бы, что̀ у нихъ есть изъ оставшейся рухляди. Дворникъ ввелъ ихъ въ занимаемые ими подвалы, гдѣ было накладено у нихъ, кромѣ вынесеннаго въ Подмосковную, довольное количество въ сундукахъ, ларцахъ, мѣшкахъ и кучахъ. Чиновники приказали, чтобъ они изъ первыхъ выкладывали, а послѣднія переложили; но сами ни за что̀ не взялись, пересматривали все, сказали, что тутъ покраденныхъ вещей нѣтъ, и велѣли спросить, нѣтъ ли гдѣ еще. Дворникъ и прочіе удостовѣрили, что нѣтъ. Выведши изъ подваловъ, они показывали на все строеніе, которое дѣйствительно выгорѣло. Чиновники, ничего не взявъ изъ имѣнія, которое пересматривали, изъ дома вышли и меня отпустили.

Происшествіе сіе, по всей справедливости, тѣмъ и должно было бы кончиться; но нѣкоторые изъ людей, какъ выше сего сказано, имѣя на насъ злобу и притомъ будучи въ поведеніи своемъ виновны, чтобъ избѣгнуть наказанія, по выходѣ непріятелей донесли пріѣхавшему князю, который, узнавъ поведеніе

ихъ, дѣлая разборъ и нашедъ, что они дѣйствительно, соединясь съ Французами, производили грабежи, пять человѣкъ изъ нихъ при прошеніи своемъ представилъ Губернскому Правленію для удаленія на поселеніе или въ крѣпостныя работы. Слѣдовало бы отдать и самыхъ доносителей, яко участвовавшихъ въ грабежахъ; но они, во избѣжаніе сего, представили князю въ выслугу, что кладовую его спасли отъ разграбленія; а по злости къ намъ донесли, что я приходилъ съ двумя Французскими чиновниками и яко бы спрашивалъ о кладовой. Князь Трубецкой по уму и характеру своему, думаю, вамъ извѣстенъ. Оставя сихъ бездѣльниковъ въ разныхъ мѣстахъ, онъ поносилъ имя мое. Нѣкоторые изъ благомыслящихъ людей представляли князю: можетъ ли быть сіе справедливо, и чтобъ онъ на людей своихъ не во всемъ полагался; но князь былъ въ такомъ положеніи, что сего не уважилъ. А потому я нужнымъ почелъ съ княземъ, какъ съ сосѣдомъ и знакомымъ человѣкомъ, лично объясниться, для чего и пошелъ къ нему; но онъ не только не вошелъ со мною ни въ каковое объяс-

неніе, но съ ругательствомъ отъ себя выслалъ. Дѣлать было нечего какъ терпѣть и предоставить на произволъ Божій и что время невинность мою откроетъ. Князь, понося меня вездѣ, бывши у г. главнокомандующаго, не оставилъ и ему сказать о семъ дѣлѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ ему разсудилось. Главнокомандующій приказалъ князю подать къ себѣ прошеніе. Тотъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1813 года, въ поданномъ къ нему письмѣ, написалъ, что, по пріѣздѣ его въ Москву, увѣдомился онъ, что я, въ бытность непріятелей въ Москвѣ, приходилъ въ домъ его съ непріятельскими офицерами и яко-бы объявилъ о себѣ людямъ его, что я въ службѣ Французской и долженъ знать, гдѣ находится его, князя, кладовая, принуждая ихъ угрозами и будто бы, повторяя требованіе мое, объявилъ я имъ, что въ противномъ случаѣ приведу довольное число непріятельскихъ солдатъ, которые ихъ разстрѣляютъ, какъ ослушниковъ воли моего начальства. Каковыя наглости и неистовства доводя до свѣдѣнія его, главнокомандующаго, князь просилъ дѣло сіе изслѣдовать и предавалъ оное на благоусмотрѣніе его.

Того же числа, какъ выше сказано, князь Трубецкой, изъ людей своихъ, остававшихся въ домѣ его пять человѣкъ, при прошеніи своемъ, представилъ Московскому Губернскому Правленію, прописавъ въ ономъ: что они обращались во всегдашнемъ пьянствѣ, буянствѣ, дѣлая ему многія грубости и непослушаніе; во время нашествія непріятелей, вмѣстѣ съ ними сообщась, чинили многія грабительства, а по выходѣ, что Французами не было найдено въ домѣ его изъ оставшагося имущества, принадлежащаго какъ ему, князю, такъ и людямъ его, разграбили и прочихъ людей къ таковымъ же предосудительнымъ поступкамъ соглашали, похваляясь быть независимыми. Князь даже подозрѣвалъ ихъ въ зажигательствѣ его и сосѣдственныхъ домовъ. Не желая болѣе имѣть ихъ у себя въ домѣ, приложа принадлежащія на одежду, обувь и кормовыя деньги, онъ просилъ за таковые ихъ законопротивные поступки, куда правительство разсудитъ, удалить въ дальнія губерніи для употребленія въ работу. Оставя дѣло сіе законному теченію, онъ обратился къ слѣдствію о доносѣ на меня учиненномъ.

Главнокомандующій оберъ-полицеймейстеру далъ свое предписаніе. Въ немъ сказано, что подалъ къ нему князь Трубецкой письмо, въ коемъ изъясняетъ: что во время бытія Французовъ въ Москвѣ, по сосѣдству живущій съ ними Московскій купецъ Григорій Кольчугинъ приходилъ къ нему съ непріятельскою партіею въ домъ, дѣлалъ разныя угрожения людямъ, чтобъ побудить ихъ къ показанію кладовыхъ и производилъ разныя тому подобныя наглости, князь Трубецкой проситъ его, чтобъ съ купцомъ Кольчугинымъ поступлено было по законамъ. Главнокомандующій, препровождая письмо князя оберъ-полицеймейстеру, рекомендовалъ ему приступить къ точнѣйшему изслѣдованію описанныхъ княземъ обстоятельствъ, и буде по слѣдствію окажется, что купецъ Кольчугинъ дѣйствительно участникомъ былъ въ таковыхъ законопротивныхъ поступкахъ, представить оное разсмотрѣнію, куда слѣдовать будетъ для строжайшаго поступленія съ виновнымъ по законамъ. Для удобнѣйшаго же въ семъ дѣлѣ изысканія истины, велѣно не оставить спросить людей князя, бывшихъ свидѣтелями по-

ступка Кольчугина, и по показаніямъ ихъ вести дальнѣйшее изслѣдованіе, о которомъ его, главнокомандующаго, въ свое время обстоятельно рапортовать.

Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ препоручилъ Яузской части произвести слѣдствіе. Призваны князя Трубецкаго люди, изъ которыхъ Иванъ Токаревъ въ допросѣ показалъ, что 1812 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, то-есть по вступленіи въ Москву непріятеля, спустя нѣсколько дней, приходилъ Кольчугинъ въ домъ господина его съ двумя Французскими офицерами, спрашивалъ его и другихъ здѣсь бывшихъ дворовыхъ людей: Дмитрія Яковлева, Никиту Андреева и Тимоѳея Никифорова (который помре), гдѣ кладовая, и что ему, какъ начальнику и служащему во Французской службѣ, нужно знать. Для сбереженія оной, и хотя кладовая господина его съ вещами была цѣла, но они, по усердію ихъ, объ оной умолчали, а показали кладовыя, уже Французами разломанныя. Они утверждали, что болѣе оныхъ другой нѣтъ никакой, и яко бы я сказалъ имъ, что не можетъ быть, чтобъ еще не было закладенной, дѣлалъ имъ угрозы, что если не покажутъ, то завтра при-

будутъ человѣкъ сорокъ и болѣе Французовъ, найдутъ кладовую, а ихъ за утайку станутъ стрѣлять и колоть; однакожъ они не показали и кладовая осталась въ цѣлости; а я, съ тѣми Французами, походя по комнатамъ и осмотря ихъ вещи, не взявъ изъ оныхъ ничего, вышелъ и болѣе не былъ. Означенные люди, какъ изъ дѣла видно, допрашиваны вмѣстѣ, потому что на Токарева допросѣ всѣ подписались и о вышеписанномъ показали во всемъ сходно.

1813 года Февраля 9 слѣдствіе представлено г-ну оберъ-полицеймейстеру, къ которому призванъ и я. Взято отъ меня письменное показаніе, состоящее въ самой справедливости и въ томъ, что не въ Сентябрѣ, какъ люди показываютъ, но вступленіи дней нѣсколько спустя, а въ Октябрѣ 1 или 2 числа, слѣдовательно приходили передъ выходомъ непріятелей, когда грабежъ былъ уже прекращенъ и, какъ выше показано, искали покраденныхъ у принца Невшательскаго вещей, а о кладовой не только не знали, не спрашивали, но и не думали.

Потомъ сдѣлана мнѣ съ доносителями у него, г-на оберъ-полицеймейстера, очная ставка, на которой, будучи мною

уличены, они признались, что я съ Французскими офицерами приходилъ уже передъ выходомъ изъ Москвы, когда грабежа уже не было и искали покраденныхъ вещей у принца Невшательскаго; но они остались при показаніи, что о кладовой спрашивалъ, дополня противъ перваго своего въ Части допроса, что я ихъ успокоивалъ, чтобъ они ничего не опасались, потому что офицеры ничего у нихъ не возмутъ и никакой обиды имъ не сдѣлаютъ, и что, пересмотря имѣніе ихъ, дѣйствительно ничего не взяли, не били ихъ и не устращивали.

Г-нъ оберъ-полицеймейстеръ, отпустя меня въ домъ, препроводилъ дѣло въ Управу Благочинія, а главнокомандующему донесъ рапортомъ, который, не основавшись на рапортѣ его, изъ Управы Благочинія вытребовалъ дѣло къ себѣ и, разсмотря оное, отослалъ оное обратно и того жъ Февраля 23 далъ предложеніе взять меня подъ арестъ, что и исполнено, а дѣло препровождено къ сужденію Магистрата въ 1-й Департаментъ.

Родитель мой рѣшился просить г-на главнокомандующаго отъ себя письмомъ, прописавъ въ ономъ невинность

мою, свидѣтельствовался въ поведеніи какъ своемъ, такъ и моемъ всѣми, кто только насъ знаетъ и самою полиціею; потому что въ одной Части болѣе 25-ти лѣтъ живемъ своимъ домомъ, въ теченіе которыхъ, какъ прежде, такъ во время нашествія непріятелей и по выходѣ оныхъ, на насъ и домъ нашъ не только просьбъ и жалобъ, но ниже подозрѣнія ни отъ кого не было: просилъ для успокоенія жены моей и осмерыхъ малолѣтныхъ дѣтей отпустить меня на росписку его. Но просьба осталась безъ всякаго уваженія.

Вамъ извѣстно, милостивый государь, что я по выбору и атестатамъ знатнѣйшаго Московскаго купечества бывшею Комерцъ-Коллегіею опредѣленъ и отправлялъ въ Москвѣ должность гофмаклера и въ Учетной Конторѣ. По поводу сего управляющій Московскимъ Отдѣленіемъ Банка и Учетною Конторою, г-нъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Попковъ, вошелъ съ представленіемъ къ главнокомандующему, коимъ изъяснялъ, что я къ должности не являюсь, а, по дошедшимъ до него слухамъ, содержусь подъ стражею; не бывъ онъ, управляющій, извѣ-

стенъ по каковому случаю и за что именно, просилъ его сіятельство не оставить его по предмету сему увѣдомленіемъ. Главнокомандующій изъ сего отношенія усмотрѣлъ, что о семъ происшествіи г-нъ Попковъ обязанъ сдѣлать свое доношеніе высшему начальству и отвѣтствовалъ, что содержусь подъ стражею за приходъ съ непріятельскими офицерами въ домъ князя Трубецкаго для грабежа кладовыхъ, и дѣло обо мнѣ представлено законному разсмотрѣнію; но въ предосторожность свою, не остановясь на семъ, онъ отнесся къ г-ну министру финансовъ, въ которомъ отношеніи написалъ, что Московской Учетной Конторы маклеръ Кольчугинъ, по образу поведенія своего и сильному подозрѣнію въ нѣкоторыхъ законопротивныхъ дѣйствіяхъ при нашествіи непріятельскомъ, не можетъ быть терпимъ въ настоящей должности его. Господинъ министръ финансовъ, основавшись на таковомъ отношеніи его, предложилъ правленію Банка на мѣсто мое опредѣлить въ Учетную Контору маклеромъ другаго, а меня изъ вѣдомства ея исключить и въ штатѣ своемъ болѣе не числить; а вслѣдъ за

онымъ, согласно отношенію главнокомандующаго, г-нъ министръ предложилъ департаменту внѣшней торговли, по причинамъ выше сего отъ главнокомандующаго представленнымъ, объ удаленіи меня и отъ должности гофмаклера, о чемъ департаментъ и сообщилъ Московскому Губернскому Правленію, съ тѣмъ, чтобъ данные мнѣ отъ бывшей Комерцъ-Колегіи на исправленіе должности указы, отъ меня отобрать и доставить въ тотъ департаментъ.

Первый департаментъ Магистрата, разсматривая дѣло, изъ обстоятельствъ усмотрѣлъ, что какъ самъ князь Трубецкой въ поданномъ главнокомандующему письмѣ, такъ и люди его между собою показываютъ разнообразно; а потому за силою приведенныхъ имъ законовъ на таковомъ доносѣ и утвердиться не могъ, тѣмъ паче, что кладовая осталась въ цѣлости. Къ тому же я повальнымъ обыскомъ въ поведеніи моемъ и Московскимъ купеческимъ обществомъ одобренъ, почему и наказанія мнѣ за оное положить никаковаго не могъ. Въ заключеніи же сказано: но прежде, когда оное Уголовной Палаты первымъ департаментомъ утвердится, отдать ме-

ня на вѣрное поручительство, о чемъ, вслѣдствіе полученнаго отъ главнокомандующаго предложенія, испрашивать отъ губернскаго прокурора повелѣнія, для чего изъ дѣла сочинить записку. Но я и послѣ сего опредѣленія остался подъ арестомъ *).

Дѣло внесено въ Палату Уголовнаго Суда на ревизію, гдѣ я въ подтвержденіе прежнихъ допросовъ, какъ и прежде при увѣщаніи священника, спрашиванъ и показалъ, что̀ было по самой справедливости, утверждаясь во всемъ на прежде учиненныхъ показаніяхъ. А между тѣмъ усмотрѣно мною, что показанія людей князя Трубецкаго, бывшаго у оберъ-полицеймейстера на очныхъ ставкахъ, въ дѣлѣ нѣтъ; а вмѣсто онаго на прежнемъ допросѣ имъ подписано, что они подтвердили тоже, или согласно допросамъ, и на очныхъ ставкахъ показали. Я просилъ Палату къ усмотрѣнію справедливости съ означенными по дѣлу князя людьми произвести

*) Главнокомандующій предложеніями, данными всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, предписалъ ни одного подсудимаго изъ подъ стражи безъ согласія прокурора не освобождать; а ему прокурору предварительно относиться къ нему главнокомандующему.

въ присутствіи ея очную ставку, поелику оной въ судебномъ мѣстѣ, кромѣ какъ только при дѣлахъ оберъ-полицеймейстера, не было.

Люди князя Трубецкаго Палатою чрезъ Управу Благочинія были вытребованы и въ присутствіи на очной ставкѣ отступили, какъ и у оберъ-полицеймейстера, отъ прежняго въ Части допроса, хотя и разнообразно, потому что спрашиваны, по примѣру суда святаго Даніила о Сусаннѣ, порознь. Но къ существу справедливости они ближе и болѣе нежели у оберъ-полицеймейстера показали, что Французы одѣты были въ сертукахъ безъ всякаго оружія, когда грабежа уже не было, и я имъ сказывалъ, что Французы ищутъ покраденныхъ вещей у принца Невшательскаго, а не я своихъ, уговаривалъ и ободрялъ ихъ, чтобъ они ничего не боялись и были покойны, ибо офицеры ничего стороннаго и принадлежащаго имъ не возмутъ, и что все имущество ихъ пересмотря, не взяли, и отъ приходившихъ со мною офицеровъ побоевъ и ничего сему подобнаго никому чинено не было и въ домъ господина ихъ уже не приходили. Два человѣка невооруженные въ домъ

(гдѣ, по показанію самихъ доносителей, находилось до сорока человѣкъ) войти бы не отважились. Грабители, какъ извѣстно, ходили партіями вооруженные, могли бы кладовую отыскать сами или людей принудить показать ее безъ посторонняго; да и въ то время, какъ всѣ вообще показываютъ, грабежъ былъ уже прекращенъ и запрещенъ подъ смертною казнію; люди и кладовая остались въ цѣлости. А потому Палата въ рѣшительномъ опредѣленіи своемъ заключила: что о Кольчугинѣ, по основанію воинскихъ процессовъ 2-й части 1-й главы 2-го пункта и указовъ 1763-го Февраля 10-го и 1801-го годовъ Сентября 27-го числа, виновнымъ почесть и къ каковому либо сужденію приговорить не можно, тѣмъ болѣе, что оный Кольчугинъ въ поведеніи своемъ повальнымъ обыскомъ одобренъ, и сіе самое подтверждается выборомъ и аттестатами, сдѣланными ему отъ здѣшняго градскаго головы и знатнѣйшаго купечества, по коимъ начально былъ онъ съ 1799-го гофмаклерскимъ помощникомъ, а съ 1803-го года настоящимъ гофмаклеромъ, въ которомъ званіи утвержденъ высочайшимъ повелѣніемъ; сверхъ сего на-

ходился онъ при Московской Учетной Конторѣ маклеромъ и пожалованъ за усердную и безпорочную службу золотою медалью съ надписью за усердіе, для ношенія на шеѣ на Владимірской лентѣ. И для того, по всѣмъ выше значущимся обстоятельствамъ, означеннаго Кольчугина отъ суда и слѣдствія освободить. Что же онъ находился въ службѣ Французской, то уже объ ономъ разсматривано было въ особо учрежденной по высочайшему повелѣнію комиссіи, и онъ за оное сужденію не преданъ; слѣдовательно Палатѣ въ каковое либо объ ономъ сужденіе и входить не можно, о чемъ Магистрата 1-му департаменту съ обращеніемъ дѣла и дать знать указомъ. Во исполненіе-жъ указа 1803-го года Маія отъ 4 го дня сіе рѣшеніе обще съ дѣломъ представить на утвержденіе къ его сіятельству г-ну генералу отъ инфантеріи, оберъ-камергеру, сенатору, главнокомандующему въ Москвѣ и въ губерніи начальствующему по гражданской части, главному начальнику Комиссіи для строенія въ Москвѣ, орденовъ святаго Андрея Первозваннаго и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ кавалеру, графу Ѳедору Васильевичу

Ростопчину. По полученіи же отъ его сіятельства согласнаго предложенія, съ возвращеніемъ сего рѣшенія и дѣла, учинить исполненіе Сентября 22 дня 1813 года. Рѣшеніе и дѣло того же Сентября на утвержденіе главнокомандующаго внесено; но арестъ мой продолжался по 23 Декабря, въ которое освобожденъ по приказанію главнокомандующаго. И тѣмъ десятимѣсячное страданіе мое кончилось.

Дѣло по службѣ муниципалитета слѣдственною комиссіею по высочайшему повелѣнію внесено было въ Правительствующій Сенатъ, а изъ онаго поступило въ Государственный Совѣтъ, потомъ въ Комитетъ Министровъ.

А между тѣмъ Августа въ 30-й день 1814 года воспослѣдовалъ всемилостивѣйшаго Государя Императора высочайшій манифестъ, которымъ всѣ во время нашествія непріятелей подпавшіе преступленіямъ прощены, слѣдовательно и мы полагали себя въ томъ же числѣ; но, сверхъ ожиданія нашего, благодареніе Богу, всемилостивѣйшему Государю, законамъ его и высшимъ правительствамъ, они дали намъ новую жизнь, возстановили честь домовъ на-

нихъ, предписали Московскому Губернскому Правленію отъ сего 1815 года указомъ, виновныхъ поимянно всѣхъ по манифесту простить, а непризнанныхъ виновными отъ суда и слѣдствія освободить, въ числѣ послѣднихъ и меня, который указъ Московскимъ Губернскимъ Правленіемъ чрезъ Управу Благочинія намъ и объявленъ, и должности гофмаклера и по Учетной Конторѣ, которыя до сего несчастнаго случая я занималъ, мнѣ возвращены.

Вотъ, милостивый государь, происшествія, случившіяся со мною въ подлинномъ ихъ видѣ, за справедливость которыхъ я отвѣтствую всѣмъ, что̀ есть свято.

*

Приложенія.

I.

Письмо Г. Н. Кольчугина къ министру юстиціи Д. П. Трощинскому.

Ваше высокопревосходительство
Милостивый государь.

Государь Императоръ, пекущійся о благѣ ввѣренной ему Россіи, избралъ

ваше высокопревосходительство быть царевымъ окомъ. Сей выборъ оживилъ сердца всѣхъ благомыслящихъ Россіянъ. Мужъ, знаменитый заслугами, правотою и маститою опытностію, входитъ въ святилище правосудія, и бѣдный несчастливецъ, гонимый злобою и случаемъ, находитъ себѣ защитника невинности и утѣшителя. Сіи доблести, украшающія особу вашего высокопревосходительства, даютъ и мнѣ надежду, что вы склоните взоръ свой къ жалобнымъ воплямъ страдальца.

Въ 1812 году, когда непріятель занесъ свое оружіе внутрь Россіи и въ самую Москву, тогда и я, не бывъ предувѣдомленъ ни отъ кого, подпалъ общей участи быть ограбленнымъ и лишеннымъ всего. Объятая пламенемъ Москва и тысячи сверкающихъ мечей и штыковъ были устремлены противъ невинныхъ и беззащитныхъ гражданъ. Ужасы и голодная смерть зіяли предо мною: казалось, самый адъ разверзъ пасть свою, дабы поглотить вселенную. И среди-то сихъ самыхъ ужасовъ я пребылъ твердъ и даже безстрашенъ. Потерю имѣнія довольно значительнаго я считалъ нужною жертвою и данью всегда

любезному Отечеству; смерть—обыкновеннымъ человѣческимъ удѣломъ. Но я мужъ женѣ и отецъ дѣтямъ; упругая душа моя, видя ихъ слезы, вопли и стоны, смягчилась. Простите симъ, самою природою вдохновеннымъ, чувствамъ; для спасенія жены и дѣтей отъ страха и угрозъ въ сей крайности, и будучи еще плѣнникомъ, принужденъ быть въ учрежденномъ отечественномъ правленіи. Прочитавъ правила и не находя въ нихъ ни нарушенія присяги къ Престолу и Отечеству, ни вреда, ни даже отступленія отъ правилъ чести, всегда мною чтимыхъ, я не уклонился отъ способовъ облегчить по возможности горькую участь оставшихся въ Москвѣ жителей: ибо, спасая ихъ, я спасалъ себя, жену и дѣтей моихъ. Но сіи благія намѣренія, сіе чувство сострадательности къ человѣчеству были обращены не въ ту сторону, очернены и — страшно выговорить —почтены измѣною, какъ думаю: поелику я страдалъ, и надо мною совершились всѣ жестокости, какъ надъ преступникомъ. По доносу его сіятельства графа Ростопчина учреждена была въ Москвѣ слѣдственная комиссія, которая, не находя никакого преступле-

нія, вскорѣ и освободила меня съ прочими, и еслибъ не былъ въ ней графъ Ростопчинъ предсѣдателемъ, она бы тогда вмѣсто сужденія, видя насъ голодныхъ, блѣдныхъ, изнуренныхъ, въ рубищахъ и полунагихъ, смѣшала бы свои слезы съ слезами нашими, и все бы было кончено; но онъ положилъ начало, и три года почти не рѣшена наша участь. Такъ жестоко игралъ онъ судьбою несчастливцевъ. Ничего онъ не уважалъ: ни времени, ни случая, ни мѣстнаго тогда положенія. 30 тысячъ, по собственнымъ нашимъ донесеніямъ, убитыхъ въ Москвѣ рукою гражданъ непріятельскихъ солдатъ сильны увѣрить не въ измѣнѣ, но въ любви и ревности ко благу Отечества. Каждый за безчестіе святыни и за себя старался обмыть руки свои въ крови враговъ. Вотъ дѣянія оставшихся жителей. Я Русскій: сего уже довольно, чтобы не быть измѣнникомъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ я болѣнъ и могъ бы кончить дни мои съ позоромъ и оставить дѣтямъ въ наслѣдство укоризну, толико безчестную имени честнаго человѣка.

Ваше высокопревосходительство, содѣлавшись блюстителемъ правосудія,

исполняя святость законовъ, много облегчили неповинную нашу участь разрѣшеніемъ выѣзда куда кто пожелаетъ; но сія милость ваша — позвольте сказать — мало коснулась меня, поелику мнѣ, по нахожденію моему въ службѣ безъ жалованья при Измайловскомъ звѣринцѣ, за неокончаніемъ дѣла, и отпуска не даютъ; а бѣдное мое положеніе, болѣзнь и пребываніе моего семейства въ С.-Петербургѣ нудятъ меня послѣ долгой разлуки видѣть его и, можетъ быть, умереть на рукахъ его. Въ семъ положеніи къ кому я прибѣгну, какъ не къ сострадательной и правосудной особѣ вашей? Умоляю ваше высокопревосходительство силою дарованной вамъ власти разрѣшить страдальческую участь мою или по крайней мѣрѣ позвольте мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ къ моему семейству, а также и къ начальству моему. Сіе благодѣяніе ваше осчастливитъ дни, отретъ горькія слезы мои, утѣшитъ семейство мое и сопричтетъ меня къ числу многихъ вами облагодѣтельствованныхъ.

*

II.

ВЫПИСКА ИЗЪ РѢШЕНІЯ.

Бывшій въ званіи товарища головы, купеческій сынъ Крокъ подписалъ токмо три засѣданія муниципалитета, относящіяся къ возстановленію въ городѣ порядка. Бывшіе въ званіи членовъ надворные совѣтники: 7-й Конюховъ, 8-й Кульманъ, 9-й отставной ротмистръ Брюнъ; титулярные совѣтники: 10-й Донаровичъ, 11-й Сущовъ; купцы: 12-й Бородинъ, 13-й Кольчугинъ, 14-й Коняевъ, 15-й купеческій сынъ Павелъ Находкинъ; иностранцы: 16-й Келлеръ, 17-й Мерманъ подписали одно только засѣданіе, въ коемъ постановлено было о раздѣленіи муниципалитета на шесть отдѣленій.

Признанныхъ недоказанными въ добровольномъ и усердномъ исправленіи возложенныхъ отъ непріятеля должностей по Москвѣ: купца Петра На-

ходкина, именитаго гражданина Ѳедора Фракмана, купцовъ Петра Коробова, Козлова, Переплетчикова, купеческаго сына Крока; надворныхъ совѣтниковъ: Конюхова, Кульмана, отставнаго ротмистра Брюна; титулярныхъ совѣтниковъ: Донаровича, Сущова; купцовъ: Бородина, Кольчугина, Коняева; купеческаго сына Павла Находкина; иностранцевъ: Келлера, Мермана; купцовъ: Христіана Фе, Крупицкаго, купеческаго сына Павла Коробова, коллежскаго регистратора Мерсана, иностранцевъ: Дво, Лассана, Борно, Чернича, отставнаго ротмистра Баскова, капитана Галданова, титулярныхъ совѣтниковъ: Нечаева, Залетова, коллежскаго секретаря Щокотова, вольно-отпущеннаго Ермолаева, князя Сибирскаго двороваго человѣка Ушакова, коллежскаго секретаря Граве, иностранцевъ: Ивана Жерома, Карла Русло, Прево, Дирс, согласно прежнему своему объ нихъ положенію, оставить отъ суда и слѣдствія свободными.

2007231617